

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛОКАЛЬНОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
(СЛУЧАЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ)**

Часть 2

Препринт WP6/2012/01 (ч. 2)

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2012

УДК 316.2
ББК 60.5
И73

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

И73 **Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии)** : препринт WP6/2012/01 (ч. 2) [Текст] / М.М. Соколов, М.А. Сафонова, К.С. Губа, Д.В. Димке ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 48 с. – 150 экз.

Препринт представляет результаты исследовательского проекта «Петербургская социология после 1985 года: Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста», посвященного истории локального академического сообщества петербургских социологов на протяжении последних двадцати пяти лет. Исследование, продолжающее традицию community-studies Чикагской школы, опиралось на широкий круг исторических, социологических, этнографических и библиометрических методов. Целью проекта было изучение экологии интеллектуальных, экономических, политических и других практик сообщества, состоящего примерно из шестиста ученых-обществоведов.

В двух текстах, вошедших в этот выпуск препринта, продолжается начатый в предыдущем выпуске анализ отношений социальных и интеллектуальных структур. В статье К.С. Губы рассматриваются паттерны диффузии «современной западной теории». Статья отвечает на вопрос, становится ли со временем консервативная и ориентированная на внутренний интеллектуальный рынок часть сообщества, которая базируется в государственных образовательных институтах, ближе к более либеральной и ориентированной на международный рынок части, локализованной в основном в негосударственных институтах. В следующей статье Д.В. Димке анализирует социальные и культурные истоки интеллектуального стиля советской социологии, который продолжает оставаться отличным от «западной» академической культуры.

УДК 316.2
ББК 60.5

Обсуждение материалов исследования состоялось 20 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге на конференции Международной ассоциации гуманитариев «Востребованность гуманитарного знания современным обществом», в рамках круглого стола ИГИТИ «Гуманитарий между обществом и сообществом: исторические паттерны и актуальные вызовы», модератор И.М. Савельева.

Препринты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Соколов М.М., 2012
© Сафонова М.А., 2012
© Губа К.С., 2012
© Димке Д.В., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гоффманом

Е. Губа

Понятие «пространство внимания» было введено Р. Коллинзом (Коллинз 2002) для того, чтобы обозначить совокупность интеллектуальных событий (книг, статей, выступлений), попадающих в поле зрения индивида или мыслительного коллектива. Наша способность перерабатывать информацию ограничена; по мере роста численности ученых мы можем следить за работой все меньшей их доли. Существующие способы сжатия информации, например, абстракты статей, не компенсируют ее экспоненциального роста (Abbott 2011, Berkenkotter, Huckin 1995). Конститутивными для любой академической культуры являются правила, определяющие за чьей работой ученый обязан следить, а чьей он может пренебречь – кто находится в зоне принудительного внимания, а кто – в зоне легитимного невнимания. Легче всего проиллюстрировать это на примере дисциплинарных границ: социолог обязан знать труды классиков своей дисциплины, включая не имеющие прямого отношения к области его исследований, но может позволить себе полную неосведомленность в отношении трудов антропологов, психологов или экономистов, даже если те пишут на темы, соприкасающиеся с областью его исследований. Главным инструментом реконструкции пространств внимания является отслеживание цитирования. И хотя библиографические списки не отражают содержания цитат и намерений автора (возможно, цитирование было критическим или сугубо ритуальным¹), они позволяют увидеть, какие работы находятся в поле зрения мыслительного коллектива, к которому автор принадлежит (Cole 1968, Klamer, van Dalen 2002).

В более ранней статье (Губа, Семенов 2010) мы рассматривали организацию внутреннего пространства внимания локального сообщества.

¹ Поскольку в этой работе нас интересуют, в первую очередь, сами контуры реконструируемого с помощью цитирования пространства внимания, то мы оставляем в стороне важный вопрос о том, что стоит за решением процитировать ту или иную работу, будь то оказание признания автору (Merton 1973) или стратегический способ встроиться в риторику конкретного исследовательского нарратива (Cozzens 1989, Latour 1997, Bazerman 1988).

В этой анализируется паттерн присутствия внешних интеллектуальных источников: ключевых советско-российских авторов и «западных» теоретиков. Главным образом, нас интересовало то, как происходит диффузия интернациональной теории – но понять это было невозможно, не разобравшись с тем, что параллельно происходит с национальной системой авторитетов. Наше исследование было сосредоточено на классиках. Мы анализировали то, какое место занимают в текстах петербургских авторов имена теоретиков, которых можно отнести скорее к «ядру» дисциплины, чем к ее исследовательскому «фронту», поделенному на разные более-менее изолированные области (Cole 1983, Hargens 2000). «Ядро» дисциплины находится в относительно неизменном состоянии, несмотря на то что исследовательские поколения, продвигающие фронт вперед, сменяют друг друга. Именно цитирование авторов калибра П. Бурдьё или В.А. Ядова преодолевает тематическую фрагментарность социальной науки – ссылки на них рассматриваются как маркеры определенной социологической перспективы, которая применима к любой исследовательской области, или даже как символ дисциплинарной принадлежности в целом (Hargens 2000: 860, Small 1978)².

Основываясь на проделанной прежде работе, мы знали, что локальное сообщество петербургских социологов вытянуто между Вест- и Ист-сайдом³, которые занимают крайне изоляционистскую и крайне ассимиляционистскую позицию. Для первых все самое важное знание расположено за пределами российской социологии. Вторые настаивают на преимуществах национальной социологической традиции. Соответствует ли этим двум отчетливо идентифицируемым полюсам столь же отчетливо идентифицируемые «пространства внимания» – имеют ли ассимиляционисты и изоляционисты разный набор классиков? И если тенденция к этому существует, то какова динамика – становятся ли разные полюсы со вре-

² Другая причина носит более тривиальный характер: введение в анализ авторов меньшего калибра свело бы на нет всю исследовательскую задачу – получить очерченные контуры пространства внимания. В этом случае мы собрали бы тысячи процитированных источников, большая часть которых встречалась один-единственный раз.

³ Одним из первых результатов исследования было выделение в сообществе петербургских социологов трех основных сегментов, которые были названы нами Вест-сайдом, Ист-сайдом и «Зоной перехода» (**Zone-in-Transition**). **Вест-сайд организован** вокруг Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ), Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) и факультета социологии петербургского филиала НИУ ВШЭ. Ист-сайд сосредоточен вокруг социологического факультета СПбГУ и ряда небольших социологических кафедр, укомплектованных его выпускниками. Наконец, организационным фасадом «Зоны перехода» является Социологический институт РАН (СИРАН) и несколько более тесно связанных с ним, чем с факультетом СПбГУ, кафедр.

менем ближе друг к другу или, наоборот, все больше отдаляются? Динамика могла развиваться по одной из четырех моделей – (а) конвергенции; (б) дивергенции; (в) воспроизводящейся изоляции; (г) моды. Модель конвергенции существует в двух версиях – симметричной и асимметричной. Симметричная модель предполагает, что полюса постепенно движутся навстречу друг другу – те, кто ранее признавал только М.М. Ковалевского, начинают читать Б. Латура, а те, кто прежде интересовался только Б. Латуром, начинают штудировать М.М. Ковалевского. Асимметричная модель предполагает, что движение осуществляется только одной из сторон – например, те, кто прежде ссылался исключительно на Б. Латура, теперь начинают обогащать свой цитатный репертуар М.М. Ковалевским, однако те, кто читал М.М. Ковалевского, не расширяют свой круг цитирования. Модель дивергенции существует в тех же двух версиях – симметричной и асимметричной – но противоположна предыдущей по направлению движения: сообщество, раньше в равной степени интересовавшееся и М.М. Ковалевским, и Б. Латуром, осознает необходимость выбора между ними и делится на тех, кто выбрал первого, и тех, кто выбрал второго. Модель воспроизводящейся изоляции предполагает наличие двух параллельно существующих «ядер», которые не притягиваются и не отталкиваются, а, возможно, даже не подозревают друг о друге. Наконец, в случае модели моды одно из ядер движется по направлению к другому, которое отдаляется от него с целью поддержания символической границы (Lamont, Molnár 2002). Те, кто прежде читал одного Б. Латура, осваивают престижного М.М. Ковалевского, в свою очередь, те, кто прежде специализировался на М.М. Ковалевском, находят его важного российского предшественника и начинают ссылаться на него. Соответственно, третий вопрос, который ставится в этой статье – если какая-то динамика имеет место, то за счет каких групп она происходит? Исходя из того, что мы знаем об истории науки, можно предположить, что самыми динамичными будут младшие поколения – именно они откажутся от М.М. Ковалевского в пользу Б. Латура (или наоборот). Но так ли это в петербургской социологии?

Выборка и методы

Объектом анализа послужили статьи социологов⁴, вышедшие как в петербургских изданиях «Журнале социологии и социальной антропологии», «Телескопе» и «Вестнике Санкт-Петербургского университета»

⁴ Подробнее о выборке смотрите в (Соколов 2010: 72–73).

(социологическая серия), так и в двух московских журналах с наибольшей национальной циркуляцией – «Социологических исследованиях» и «Социологическом журнале» (с 1996 по 2009 г.). Этот массив содержал значительный объем статей авторов, локализованных в Ист-сайте и «Зоне перехода», однако число текстов вест-сайдских авторов было недостаточным для какого-либо формального анализа. Так, в частности, анализ публикационной активности ЦНСИ свидетельствует о том, что его сотрудники и сотрудницы чаще всего выбирают для своих публикаций петербургские (собственно ЦНСИ или дружественного ЕУСПб) или зарубежные сборники и значительно реже – российские журналы. Это обстоятельство обусловило включение в выборку всех институциональных сборников ЦНСИ и ЕУСПб, которые выходили за период с 1996 по 2009 г. В итоге был получен достаточный массив статей для того, чтобы делать выводы о динамике цитирования для разных сторон сообщества (1204 статьи и 361 автор).

Выбор авторов, на основании цитирования которых реконструировалось пространство внимания петербургской социологии, осуществлялся по следующему критерию: они должны были быть достаточно известными для какой-то части сообщества. Мы не стали включать имена, известность которых ограничивается малыми субдисциплинарными кругами. Итоговый набор социологов стал результатом слияния нескольких списков западных авторов, которые упоминались чаще остальных в двух предшествующих опросах российских социологов⁵. Советско-российские имена были отобраны так же, как и в случае наукометрического исследования цитатной видимости российских социологов (Соколов 2009). Сбор данных заключался в отслеживании всех ссылок на авторов итогового списка. В дальнейшем анализировалась, во-первых, простейшая статистика цитирований, во-вторых, с помощью сетевого анализа⁶ были построены карты цитатного пространства, которые показывали, какие авторы были процитированы петербургскими социологами вместе в одной из опубликованных статей. Этот способ является разновидностью ана-

⁵ Это были, во-первых, самые упоминаемые зарубежные социологи в опросе участников III Социологического конгресса; самые упоминаемые социологи в опросе российских социологов в исследовании ИС РАН под руководством Г.С. Батыгина (где задавался аналогичный вопрос о фигурах, сделавших наибольший вклад в развитие социологии). Мы выражаем признательность Л.А. Козловой (ИС РАН) за предоставленные для анализа данные.

⁶ При анализе данных использовался специальный пакет для анализа социальных сетей – ORA (<http://www.casos.cs.cmu.edu/projects/ora/>).

лиза социтирования (co-citation analysis), направленного на изучение связей между статьями, авторами или журналами в том случае, если они появлялись вместе в одном библиографическом списке (Bellis 2009: 156–171). В данном исследовании мы фиксировали наличие связи, если авторы из итогового списка были процитированы вместе в тех статьях, которые вошли в выборку. Результатом стала бимодальная сеть (Hanneman, Riddle 2005), которая содержала связи между статьями и теоретиками, появившимися в этих статьях. Эта бимодальная сеть в дальнейшем была разделена на две одномодальные сети. Одна из них состояла из связей между статьями (интенсивность связи равнялась числу теоретиков, которые появлялись и в одной статье, и в другой). Другая состояла из связей между теоретиками (интенсивность связи равнялась числу текстов, в которых каждая пара соседствовала в библиографическом списке). Ниже анализируется вторая из этих сетей.

Расстановка приоритетов в сообществе: выбор западной теории

Итак, анализируемые далее сети построены по следующему принципу: они показывают, какие авторы в текстах петербургских социологов были процитированы вместе. Характер локализации таких групп в общей сети указывает на существование определенных паттернов цитирования для этого сообщества – групп авторов, которые обычно упоминаются вместе. Базируясь на социологическом здравом смысле, мы могли бы предположить, что появившиеся социтируемые кластеры будут соответствовать разным подходам или методологиям (Mullins et al. 1977, Moody, Light 2006) – теории конфликта и теории консенсуса, микро- и макросоциология и т. д. В действительности мы наблюдаем нечто совершенно иное. Авторы делятся на две группы, которые почти точно соответствуют двум нашим спискам классиков российско-советской и «западной» социологии (рис. 1). Эти группы не распадаются на два полностью изолированных графа: в некоторых текстах упоминаются одновременно Э. Гоффман и В.А. Ядов или П. Бурдьё и Г.В. Осипов. Однако подобное смешение происходит не настолько часто, чтобы алгоритм структурной эквивалентности⁷ поместил авторов разного происхождения в одну группу.

⁷ Алгоритм CONCOR (convergence for correlations iterating) производит вычисления на данных матрицы сопряжений и выделяет в отдельные группы агентов, которые имеют сходные позиции в общей структуре сети, см. описание и применение алгоритма для ис-

Разделение интеллектуального ландшафта на два скопления западных и российских авторов оказалось не совсем выдержанным, несколько российских имен были помещены к зарубежным авторам: И.С. Кон, З.Т. Голенкова, Н.М. Римашевская, Ф.Э. Шереги. Включение их в первую группу здесь означает структурную близость к западной социологии: больше половины «соседей» И.С. Кона являются социологами из «западного» списка. Другими словами, те петербургские социологи, которые чаще оставляют ссылки на зарубежных авторов, наряду с ними ссылаются именно на этот набор советско-российских социологов. Попадание сюда И.С. Кона (как и Н.М. Римашевской) объясняется тем, что оба преимущественно цитируются в исследованиях с гендерной тематикой, популярных в Вест-сайте. Обратное исключение – фигура П. Штомпки, которую алгоритм отнес к советско-российскому блоку. Это исключение объясняется тем же механизмом, только в этом случае речь идет о предпочтениях социологов из СИРАН и СПбГУ.

Следующие три цитатные сети отражают цитирования в статьях авторов, принадлежащих к одной из частей сообщества. Описание Вест-сайда как самой вестернизированной части сообщества предполагает, что его обитатели значительно реже ссылаются на работы социологов из советско-российского списка, если не вовсе обходятся без них. В действительности, это только отчасти верно, так как сеть процитированных авторов состоит не только из западных классиков, но и из ряда отечественных авторов, самым цитируемым из которых стал В.В. Радаев. Тем не менее они недостаточно часто цитируются, чтобы попасть в центр сети. Расположение авторов этой группы на периферии и большая их связь не между собой, а с центральными западными социологами, позволяет уверенно констатировать, что не они находятся в центре пространства внимания обитателей Вест-сайда (рис. 2). Все основное внимание достается авторам западного происхождения из сравнительно недавнего прошлого мировой социологии. Социологи из новых постсоветских институций не классикоцентричны: в списке самых цитируемых авторов присутствует лишь одно имя традиционного классика – М. Вебера (табл. 1). Скорее мы можем говорить о том, что интеллектуальное

следования сообщества петербургских социологов в (Сафонова 2010). Сходство позиций не обязательно подразумевает связанность: в равной мере значимы паттерны связи с другими агентами. Даже если М. Вебер и Б. Латур ни разу не были процитированы в одних и тех же текстах, они все равно будут структурно близки на основании того, что каждый из них появлялся в библиографических списках вместе с Э. Гидденсом и П. Бурдьё.

пространство на самом «западе» петербургского сообщества организовано вокруг небольшой группы *новых классиков*⁸, куда вошли Э. Гоффман, П. Бергер и Т. Лукман, П. Бурдьё, М. Фуко и, в меньшей степени, Г. Гарфинкель. Они не исчерпывают все внимание петербургских социологов, но привлекают к себе большую его часть, поэтому такие авторы, как П. Штомпка, З. Бауман, Р. Мертон, П. Сорокин, Ж. Бодрийяр остаются на периферии сети.

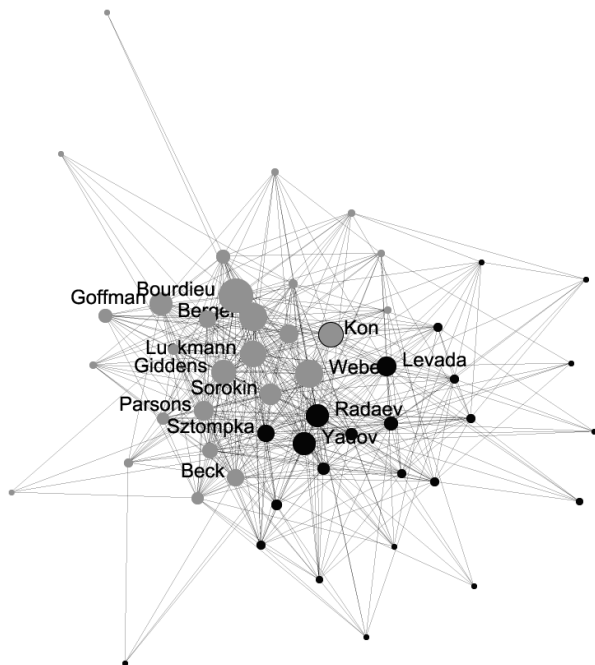

Рис. 1. Общая сеть социотирования западных и отечественных авторов в статьях петербургских социологов⁹

⁸ Термин «новые классики» взят из (Соколов 2010).

⁹ Здесь и далее на диаграмме акторы, отмеченные темным цветом, принадлежат к группе советско-российских авторов (согласно алгоритму структурной эквивалентности), более светлые относятся к авторам «западного» происхождения. Связь между узлами означает совместное присутствие в статьях петербургских социологов. Размер каждого узла пропорционален его центральности, что указывает на авторов, чаще других цитируемых вместе с другими социологами.

Таблица 1. Список самых цитируемых теоретиков в петербургской социологии¹⁰

Теоретик	Количество ссылок во всем сообществе	Количество ссылок в Вест-сайте	Количество ссылок в Ист-сайте	Количество ссылок в «Зоне перехода»
Бурдые П.	79 (1)	33 (1)	26 (3)	16 (3)
Вебер М.	65 (2)	16 (7)	36 (1)	11 (4)
Сорокин П.	51 (3)	2 (17)	27 (2)	19 (2)
Ядов В.А.	49 (4)	9 (11)	17 (5)	19 (2)
Гидденс Э.	48 (5)	27 (3)	13 (6)	6 (8)
Радаев В.В.	48 (5)	24 (4)	13 (6)	9 (6)
Гоффман Э.	42 (6)	33 (1)	7 (10)	1 (13)
Фуко М.	41 (7)	29 (2)	9 (8)	1 (13)
Левада Ю.А.	40 (8)	6 (13)	3 (14)	28 (1)
Кон И.С.	39 (9)	24 (4)	6 (11)	9 (6)
Бергер П.	38 (10)	22 (6)	9 (8)	6 (8)
Лукман Т.	36 (11)	23 (5)	8 (9)	4 (10)
Парсонс Т.	35 (12)	15 (8)	13 (6)	4 (10)
Бек У.	30 (13)	12 (10)	9 (8)	9 (6)
Дюркгейм Э.	29 (14)	7 (12)	19 (4)	3 (11)
Штомпка П.	27 (15)	2 (17)	13 (6)	9 (6)
Бауман З.	25 (16)	6 (13)	9 (8)	10 (5)
Маркс К.	24 (17)	5 (14)	17 (5)	2 (12)
Мертон Р.	19 (18)	5 (14)	7 (10)	6 (8)

¹⁰ В таблице могут не совпадать суммы по строкам, так как в первом столбце учитывались также ссылки тех, кого мы не смогли идентифицировать с конкретной стороной сообщества. Цифры здесь означают количество статей, в которых появились ссылки на авторов. Другой вариант подсчета цитирования в виде суммы всех ссылок, появившихся в статьях, показывает более заметные цифры (в одной статье могут цитироваться четыре работы Э. Гоффмана). Однако в данном случае более важным является показатель, отображающий количество разных статей, в которых появились ссылки на авторов. В скобках указан ранг, который автор занимает в каждой части сообщества (на основании количества статей, в которых он упоминается).

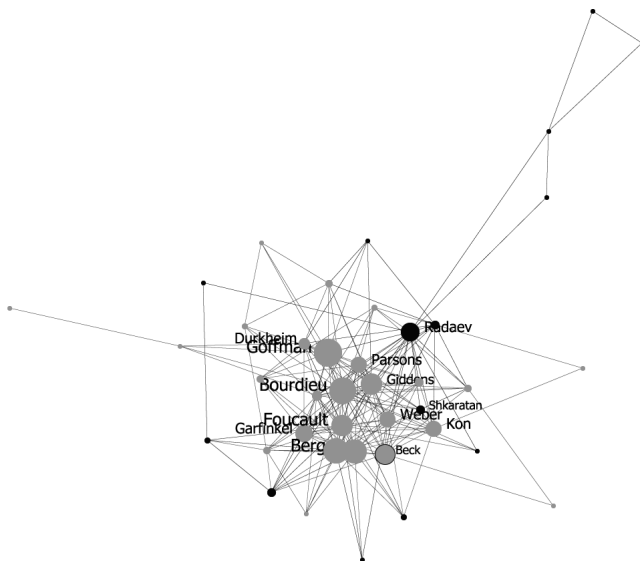

Рис. 2. Сеть социцирования западных и отечественных авторов в статьях петербургских социологов Вест-сайда¹¹

Неожиданно для нас истсайдская университетская социология заняла промежуточное положение между двумя разными паттернами цитирования внешних интеллектуальных источников, один из которых характерен для постсоветской социологии Вест-сайда, а другой – для академического института СИ РАН («Зоны перехода») с его советским прошлым. По сравнению с первым здесь мы наблюдаем более заметное количество ссылок на отечественных авторов, которые при этом обнаруживают тенденцию к образованию собственного центра наряду с плотным кругом западных теоретиков (рис. 3). Другими словами, для интеллектуального круга университетской социологии также характерно большее внимание к западным источникам, но в целом это внимание более сбалансировано присутствием отечественных авторов. Этого присутствия оказалась недостаточно, чтобы в центре появились советско-российские авторы, но вместе с тем цитирование их работ уже не выглядит таким эпизодическим, как это свойственно социологам «западной»

¹¹ Здесь и далее для более наглядной визуализации сети были исключены или не подписаны некоторые периферийные связи.

части сообщества. Если для последней можно говорить только об одной российской фигуре, имеющей значительный интеллектуальный вес – В.В. Радаеве, то здесь это уже несколько фигур – самым цитируемым становится В.А. Ядов, за которым следуют Ю.А. Левада и В.В. Радаев.

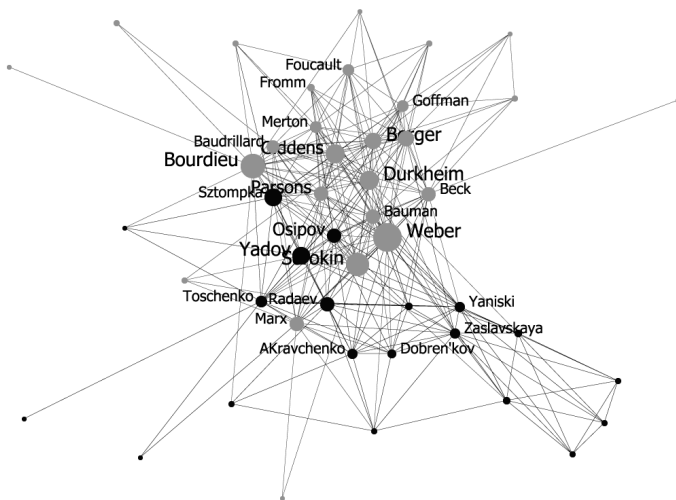

Рис. 3. Сеть социирования западных и отечественных авторов в статьях петербургских социологов Ист-сайда

Переход с одного места институционального обитания социологов к другому меняет не только роль отечественных авторов в интеллектуальном ландшафте, но и список центральных для этого ландшафта «западных» фигур. Центральное место теперь перестает быть исключительной прерогативой *новых классиков*: пятерка самых цитируемых авторов включает имена М. Вебера, П. Сорокина и Э. Дюркгейма. Именно в мире университетской социологии больше всего ценится символическая значимость имен отцов-основателей. Мы наблюдаем здесь два разных принципа в организации пространства внимания. Согласно одному из них, модернистскому, сообщество признает необходимым в первую очередь обращаться к самым известным фигурам сравнительно современной социологии – чем новее, тем лучше. Согласно другому, традиционалистскому, предпочтение должно отдаваться проверенным временем классическим текстам, лежащим у истоков дисциплины. К социологическому

канону, который составляют М. Вебер, Э. Дюркгейм и К. Маркс, университетская наука добавляет П. Сорокина. Сравнение сетей центральных авторов, характерных для университетской науки и социологии новых институций, дает только три пересечения из десяти – это П. Бурдьё, Э. Гидденс и П. Бергер с Т. Лукманом. Остальные фигуры *новых классиков* в той или иной мере присутствуют в текстах «восточных» социологов, но не попадают в центр их внимания.

Наконец, интеллектуальный ландшафт социологии «Зоны перехода» в еще большей степени отходит от картины, характерной для новых постсоветских институций. Если бы сторонний наблюдатель посмотрел на списки центральных фигур для каждой части сообщества, возможно, он бы предположил, что в случае Вест-сайда и «Зоны перехода» мы имеем дело с разными дисциплинами. Ист-сайд и «Зона перехода» имеют больше взаимных пересечений. Внимательное сравнение их списков самых цитируемых авторов позволило бы предположить существование двух научных школ, которые хотя и имеют общие корни, но придерживаются противоположного мнения о том, кому уделять внимание в первую очередь. Действительно, список Ист-сайда и «Зоны перехода» не пересекается только в четырех фигурах, но при этом одни и те же персоналии занимают разное место в перечислении самых цитируемых авторов.

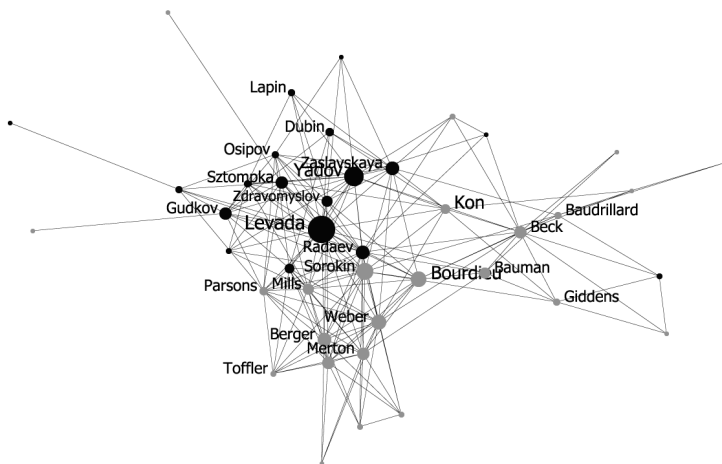

Рис. 4. Сеть социотирования западных и отечественных авторов в статьях петербургских социологов «Зоны перехода»

Карта цитирований «Зоны перехода» является инверсией вестсайдской: центр тяжести сместился в сторону советско-российских авторов, которые образуют собственный центр. Это разделило сеть на два скопления, из которых именно отечественный блок представлен привлекающими больше всего цитирований авторами – Ю.А. Левадой и В.А. Ядовым (рис. 4). Источники «западного» происхождения не позволяют выделить какой-либо узнаваемый паттерн упоминания новых или старых классиков. Цитирование имен П. Бергера и Т. Лукмана, П. Сорокина, П. Бурдые, Р. Мертона, М. Вебера, У. Бека в значительной мере перемешано. Возможно, это следует объяснять другим типом чтения, который в меньшей степени зависел от каких-либо стандартных силлабусов, как это было в случае Вест-сайда и отчасти Ист-сайда.

В итоге анализ трех разных типов интеллектуального ландшафта, представленного в виде карт цитатного пространства петербургской социологии, показывает, как важно учитывать принадлежность автора к той или иной части сообщества. Два отчетливо отличающихся паттерна в цитировании «внешних» источников соответствуют двум частям сообщества: академическая «Зона перехода» и Вест-сайд создают собственные пространства интеллектуального внимания, почти не имеющие взаимных пересечений в главных центрах притяжения. Эти паттерны цитирования различаются двумя основными характеристиками: присутствием в поле зрения группы новых классиков, с одной стороны, и цитированием отечественных авторов, с другой. Между ними располагается Ист-сайд – мир университетской науки, для которой интеллектуальное пространство характеризуется как заметным вниманием к блоку отечественных авторов, так и включением некоторых важных фигур из числа современных западных социологов.

Этот результат оказался для нас сюрпризом. Мы ожидали появления карты пространства внимания, в которой на разных полюсах будут располагаться Ист- и Вест-сайд – так же, как они располагаются на карте социальных связей или политических установок. Тем не менее изоляционистский на уровне деклараций Ист-сайд оказался более «западническим» в своем реальном цитатном инструментарии, чем более ассимиляционистская «Зона перехода», живущая в тени советской социологической традиции. Бывшие преподаватели – марксистские философы и политэкономы, составляющие большинство в Ист-сайте, начали изучать социологию с нуля в 1990-х, и это, в некотором смысле, дало им преимущество.

Далее мы попробуем добавить деталей в это описание, проанализировав процесс проникновения новых классиков в мир истсайдской социоло-

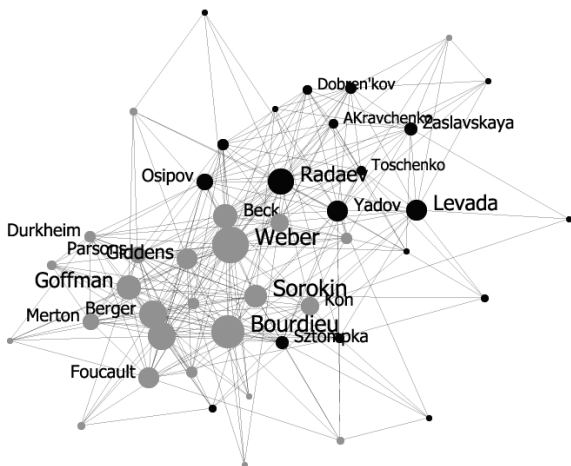
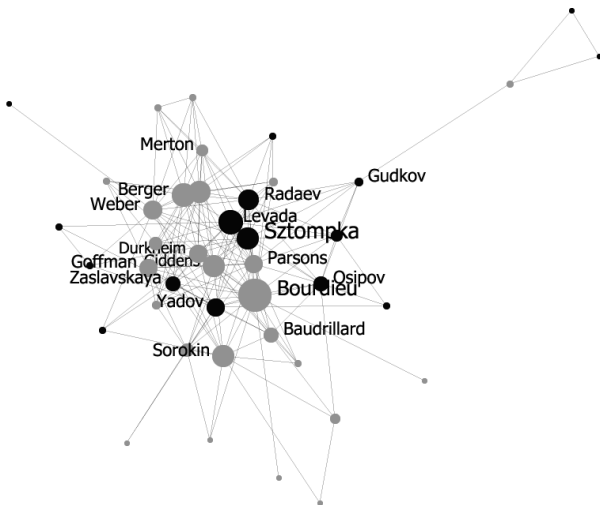
гии. Диффузия «старой классики» должна была произойти в первой половине 90-х годов, когда на русском языке были изданы М. Вебер и Э. Дюркгейм, т.е. до периода, который представлен в нашем корпусе текстов. Диффузия новой классики развернулась позднее, и мы можем проследить ее распространение. Вторая часть этой статьи будет посвящена попыткам оценить, насколько сильны диффузные тенденции в петербургской социологии и какие группы они затрагивают в первую очередь.

«Новая классика»: станет ли «Восток» «Западом»?

Приоритет новой классики является отличительной чертой социологии новых постсоветских институций. Именно здесь Э. Гоффман, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Г. Гарфинкель и М. Фуко становятся основным центром внимания. Редкая статья самой вестернизированной части сообщества обходится без ссылок хотя бы на одного автора из числа новой классической социологии. Количество цитатных связей между социологами и группой новых классиков, состоящей из семи теоретиков, указывает на то, для какой части сообщества новая западная социология наиболее важна. Здесь мало что вызывает удивление: цитатное пространство внимания Вест-сайда в случае новой классики содержит 326 связей, Ист-сайда – 132 и «Зоны перехода» – 62. Это еще раз указывает на то, что историю распространения имен П. Бурдьё, Э. Гоффмана и других следует начать с самой вестернизированной стороны сообщества.

Если сравнить данные о цитировании за три периода – 1995–2000, 2001–2005, 2006–2010 гг., то мы получим представление о том, как происходила интеллектуальная диффузия (рис. 5). На первом этапе традиционные классики вроде М. Вебера, Э. Дюркгейма и П. Сорокина отделены от важных советско-российских фигур вроде В.В. Радаева и В.А. Ядова, которые и в дальнейшем остаются в своем роде посредниками, связывающими круг «западных» и советско-российских авторов. Тем не менее имя П. Бурдьё уже упоминалось чаще остальных имен вместе с другими авторами, что объединяло самое молодое поколение социологов ЕУСПб с руководителями секторов в СИ РАН. П. Бурдьё даже в ранний период уже являлся безоговорочно центральной фигурой: на протяжении всей новейшей истории петербургской социологии он оставался самым цитируемым социологом. Никому больше из новых классиков не удалось так триумфально и прочно завладеть вниманием социологов петербургского сообщества: за последние несколько лет – 2006–2009 гг. – в число десяти центральных для этого периода «западных»

авторов наравне с П. Бурдьё вошли только Э. Гидденс и М. Фуко. Дальше мы сможем увидеть, что в цитировании новых классиков «западный» сегмент петербургской социологии по-прежнему оставляет позади себя социологов Большого университета и малых кафедр.

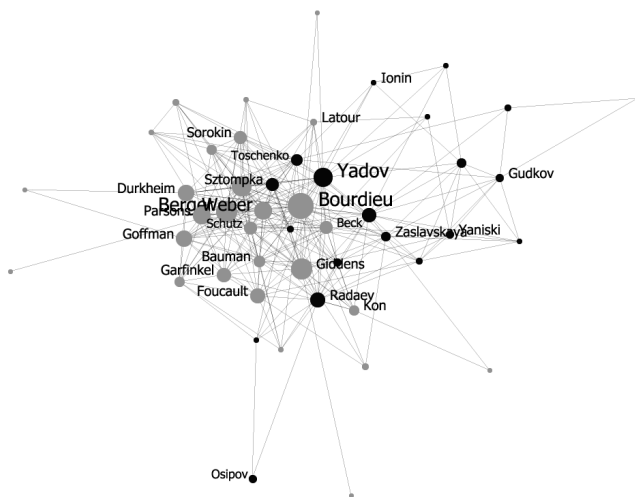

Рис. 5. Сеть социотирования западных и отечественных авторов в статьях петербургских социологов в разные периоды: последовательно 1995–2000, 2001–2005, 2006–2009 гг.

Структура внимания к новой классике отсылает к институциональной истории ленинградской социологии, превращение которой в петербургскую сопровождалось открытием новых постсоветских институций. В 1990-е годы в Вест-сайте для социологов младшего и среднего возраста необходимым условием развития академической карьеры стало освоение литературы на иностранных языках. Знание западных авторов выступило в качестве основного ресурса построения академической карьеры, фактически решающим условием выживания, поскольку получение гранта или приглашение на стажировку в первую очередь зависело от способности продемонстрировать знакомство с иноязычной «текущей дискуссией». В этой части сообщества цитирование новых классиков начинается с поколения тех, кто стоял у истоков новых образовательных и исследовательских институций. В дальнейшем к цитирующим авторам, которые создавали западный сегмент сообщества, присоединяется младшее поколение учеников, библиографические списки которых воспроизводят цитирование «звездных» имен теоретиков. Здесь мы наблюдаем стабильность в поколенческой передаче образцов цитирования, когда но-

вое поколение воспроизводит внимание к тем именам, которые оказались значимыми для их преподавателей и научных руководителей. Библиографические списки текстов двух поколений не содержат больших различий: они организованы вокруг того же набора нескольких имен – П. Бурдье, Э. Гоффман, Э. Гидденс, М. Фуко, П. Бергер и Т. Лукман, в меньшей степени Б. Латур. В этом смысле западной части сообщества удалось за два десятилетия своего существования создать консенсус по поводу тех, кто достоин занять главное место в списках литературы.

Градация близости петербургских авторов к западной теории на главное место выводит тех, кто первыми¹² писали о них на постсоветском пространстве. Институциональные строители не только основали новую часть сообщества, но и впервые ввели в оборот новые имена и теории. Именно они поставили печать правообладателя, ведь своими текстами они перенесли мейнстрим западных теорий туда, где раньше он мог появиться только как объект изоцированной критики или осторожного «протаскивания» (Фирсов 2001, Батыгин 1999). Сегодня любой может искать вдохновения в лучших образцах исследовательской работы зарубежной социологии, использовать концептуальные модели и цитировать знаменитые имена. Однако теперь обитатели Вест-сайда должны ставить ссылки не только на Э. Гидденса, но и, к примеру, на исследования Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, в которых теория структуризации используется для анализа гендерных контрактов. Цитирование российских социологов вместе с оригинальными источниками стало своего рода пропускным пунктом, который трудно обойти, не важно, пишете ли вы о гендерных исследованиях или о неонституциональной теории в со-

¹² Список самых цитируемых авторами Вест-сайда социологов, действительно, состоит, в основном, из имен, которые появились в обороте российских текстов только с середины 1910-х годов. Может быть, их тексты читали и раньше, учитывая, что большинство социологов из нашего списка трудно отнести к новейшей социологии, но ссылки на них редко попадают до середины 90-х годов. Источник анализируемых данных – это статьи в журналах, поэтому о том, что было в период с конца 80-х и до 1996 г., когда появились новые журналы «Вестник Санкт-Петербургского университета», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», можно судить только по статьям в главном издании «Социологические исследования». Судя по публикациям в нем, прежде чем появилась свободная возможность читать новые тексты, существовал консенсус относительно трех самых цитируемых социологов – К. Маркс, М. Вебер и Т. Парсонс. Ни один из участников этой триады не покинул позиции в десятке самых цитируемых вплоть до последних работ, однако сейчас они соседствуют в библиографических списках с новыми именами.

циологической перспективе¹³. Младшие поколения социологов западной стороны сообщества явно не стремятся проводить границы между собой и старшими. Сейчас Вест-сайд находится на стадии консенсуса по поводу того, имена каких теоретиков нужно упомянуть во вводной части социологической статьи.

Становится ли Ист-сайд со временем более похожим на Вест-сайд, и, если да, то что является причиной – прямое подражание или независимое освоение того же корпуса текстов? Рассматривая персоналии наиболее популярных в каждой группе классиков, мы приходим к выводу, что верно второе: мы не видим следов прямого подражания. Например, П. Бурдьё – центральная фигура нового классика для всего пространства внимания – перестает настолько отчетливо ею быть, если сегментировать это пространство на три зоны. Обитатели Вест-сайда цитируют П. Бурдьё наравне с Э. Гоффманом и М. Фуко, причем последним достается даже чуть больше ссылок, тогда как в случае университетской социологии П. Бурдьё занимает центральное место с заметным отрывом (П. Бурдьё – 33 ссылки, Э. Гидденс уже – 13 ссылок). Если цитирование работ П. Бурдьё и Э. Гидденса в большей степени и Э. Гоффмана и М. Фуко в меньшей степени позволяет говорить о пересечении между Ист- и Вест-сайдом, то отсутствие в библиографических списках Ист-сайда работ Г. Гарфинкеля и Б. Латура указывает на сохранение отличий в интеллектуальном профиле обитателей Вест-сайда. Маловероятно, что оно могло бы сохраняться на протяжении всего этого времени, если бы имело место целенаправленное подражание.

Читатель уже, наверняка, понял, что главный герой этой статьи, вернее представленного здесь сообщества – это П. Бурдьё, внимание к которому не ослабевает со сменой академических поколений. П. Бурдьё в этом смысле играет роль традиционного классика, значение которого на символическом уровне заключается в том, что все социологи находят с его помощью что-то общее между собой. Действительно, как показывают карты пространства внимания, старые классики уже не могут рассматриваться как фигуры, с идеями которых работают в одинаковом режиме в любой части сообщества. Хотя с ними, вероятно, сейчас знакомы представители всех частей сообщества, способы их работы с текстами М. Вебера, К. Маркса или Э. Дюркгейма различны. Ист-сайд стремится инте-

¹³ Центральные для западной части сообщества фигуры – это те, кто его основывал, те, кто читает ключевые курсы в ЕУСПб, и те, кто инициирует большие проекты в разных исследовательских направлениях.

грировать содержащиеся в них идеи как часть собственной научной работы, будь то выстраивание аргументации или указание на продолжение классической традиции. В свою очередь, вестернизированная часть «живет» в более позднее время, что предполагает иную линию в выстраивании «разговора» с предшественниками.

Кто импортировал новых классиков в университетский Ист-сайд? Новые для российской социологии 1990-х имена начинают появляться в текстах тех, кто родился в 50-х годах, однако это появление все же носит скорее эпизодический характер. Мы обнаруживаем, что за широкое распространение П. Бурдьё и Э. Гидденса здесь ответственно то же поколение, которое основывало новые институции, ставшие впоследствии Вест-сайдом – условно, генерация людей 60-х годов рождения, аспирантские годы которых пришлись на перестройку¹⁴. Паттерн цитирования, который характерен для университетских социологов «восточной» части, родившихся после 1976 г., уже больше похож на паттерн цитирования их вестсайдских сверстников. Мы действительно найдем серьезные различия между разными поколениями Ист-сайда, если сравним список авторов, релевантных для самой пожилой и самой молодой когорты: список обнаруживает только одно пересечение – П. Бурдьё. В остальном списки будут состоять из двух различных наборов социологов: традиционные классические фигуры вроде М. Вебера, П. Сорокина, К. Маркса, Э. Дюркгейма вместе с несколькими центральными фигурами советской социологии в случае старших и присутствие новых классиков – в случае младших. Самые молодые когорты социологов здесь почти не участвуют в цитировании классических текстов: ссылки и на М. Вебера, и на П. Сорокина исчезают из текстов тех, кто относится к самой молодой профессиональной когорте. Разрыв, которого не произошло на «Западе», случился на «Востоке».

Заключение

Вопреки нашим предположениям изоляционистский Ист-сайд не является местом, где цитируются преимущественно российские авторы;

¹⁴ Это наблюдение противоречит часто озвучиваемому критическому мнению ряда старших коллег, которые уверены, что именно молодые социологи особенно привержены демонстративному потреблению престижного интеллектуального импорта. Фактически основную роль и в Ист-сайте, и в Вест-сайте в распространении западной социологии сыграло поколение, которому на тот момент было уже основательно за тридцать.

это положение занимает промежуточная в других отношениях «Зона перехода», унаследовавшая традиции советской социологии. Отношение между Вест-сайдом и Ист-сайдом удачно описываются понятием «асимметричная конвергенция»: надменный Вест не делает ни шага навстречу Исту, в то время как тот постепенно приближается к нему сам. За это движение ответственны в основном младшие поколения преподавателей. Внутри Ист-сайда наблюдается разрыв между возрастными когортами, который отсутствует в Вест-сайте – предположительно, более модернистский сегмент значительно более стабилен, даже консервативен, в выборе того, кого одарять вниманием. К некоторому нашему удивлению, мы не обнаружили циклов моды, которые ожидали встретить. Цитирование не используется для поддержания символических границ внутри петербургского сообщества – в противном случае, на место новых классиков Вест-сайт должен был бы изобрести ультрановых, которые подкрепили и подтвердили его исключительное научное положение.

Есть несколько возможных объяснений этого обстоятельства. Одно из них указывает на то, что ультрановых классиков не появилось и в «западной» социологии (Соколов 2010), тогда для возведения символического барьера просто нет материала. Другое объяснение заключается в том, что отсутствовал фактор конкуренции, который заставил бы стороны озаботиться конструированием своей интеллектуальной идентичности. Выстраивание взаимных границ – необходимая мера в ситуации борьбы за один и тот же ресурс или набор ресурсов, когда успех одних означает провал других. На этом допущении строится экологический подход к развитию профессий Э. Эббота, согласно которому профессиональные группы находятся в состоянии переопределения границ, и успех одной означает поражение другой (Abbott 1988). В случае петербургской социологии мы наблюдаем сообщество, существующее как три отдельных сегмента с собственной монополией на ресурсы в виде грантовой экономики, массового образования и исследовательского финансирования Академии наук. Они заняли разные экологические ниши, не было ничего, за что им имело смысл бороться друг с другом. Наконец, третье объяснение заключается в том, что академическая культура не исчерпывается правилами, которые определяют зоны принудительного внимания и легитимного невнимания. Возможно, разные части нашего сообщества культивируют настолько разную социологию, что не нуждаются в более явных механизмах отграничения друг от друга – даже цитируя одних и тех же авторов, они остаются друг для друга существами с разных планет.

Следующая статья Д.В. Димке посвящена анализу одного из таких стилей социологического мышления – того, который является наследием советской социологии, наиболее ощущаемым в «Зоне перехода».

Библиография

Батыгин Г.С. 1999. Предисловие // *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* // отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт: 7–22.

Губа К.С., Семенов А.В. 2010. В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 133–155.

Коллинз Р. 2002. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Сафонова М.А. 2010. Сетевая история петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 83–111

Соколов М.М. 2009. Российские социологи на международном и национальном рынке идей // *Социологические исследования* 1: 144–152.

Соколов М.М. 2010. Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России? // *Социологический журнал* 1: 126–133.

Соколов М.М., Бочаров Т.Ю., Губа К.С. и др. 2010. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 66–82.

Фирсов Б.М. 2001. История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Abbott, Andrew. 2011. Library Research Infrastructure for Humanistic and Social Scientific Scholarship in the Twentieth Century // *Social Knowledge in the Making* / ed. by C. Camic, N. Gross, and M. Lamont. Chicago: The University of Chicago Press: 43–85.

Abbott, Andrew. 1988. *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press.

Bazerman, Charles. 1988. *Shaping Written Knowledge: The Genre and Activity of the Experimental Article in Science*. Madison: University of Wisconsin.

Bellis, Nicola. 2009. *Bibliometrics and Citation Analysis*. Lanham: Scarecrow Press.

Berkenkotter, Carol, and Tomas Huckin. 1995. News Value in Scientific Journal Articles // *Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition, Culture, Power* / ed. by C. Berkenkotter, and T. Huckin. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates: 27–42.

Cole, Stephen, and Jonathan Cole. 1968. Visibility and the Structural Bases of Awareness of Scientific Research // *American Sociological Review* 33: 397–413.

Cole, Stephen. 1983. The Hierarchy of the Sciences? // *The American Journal of Sociology* 89: 111–139.

Cozzens, Susan. 1989. What Do Citation Count? The Rhetoric-first Model. // *Scientometrics* 15: 437–447.

Hanneman, Robert, and Mark Riddle. 1995. *Introduction into Social Network Analysis*. Riverside: University of California (<http://faculty.ucr.edu/~hanneman>).

Hargens, Lowell. 2000. Using the Literature: Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // *American Sociological Review* 65: 846–865.

Klamer, Arjo, and Harry van Dalen. 2002. Attention and the Art of Scientific Publishing // *Journal of Economic Methodology* 9: 289–315.

Lamont, Michele, and Virag Molnár. 2002. The Study of Boundaries Across the Social Sciences // *Annual Review of Sociology* 28: 167–195.

Latour, Bruno. 1997. *Science in Action*. Cambridge: Harvard University Press.

Merton, Robert. 1973. The Matthew Effect in Science // *The Sociology of Science* / ed. by N. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press: 439–460.

Moody, James, and Ryan Light. 2006. View from Above: The Evolving Sociological Landscape // *The American Sociologist* 2: 67–86.

Mullins, Nicholas et al. 1977. The Group Structure of Cocitation Clusters: A Comparative Study // *American Sociological Review* 4: 552–562.

Small, Henry. 1978. Cited Documents as Concept Symbols // *Social Studies of Science* 8: 327–340.

Классики без классики: социальные и культурные истоки интеллектуального стиля советской социологии

Д. Димке

Обращаясь к изучению советской социологии, мы сталкиваемся с удивительным парадоксом: в советской социологии есть классики, но нет классических текстов. Тексты, которые получают статус «классических», должны соответствовать нескольким критериям. Эти критерии лаконично и изящно сформулированы в статье А.В. Полетаева «Классика в общественных науках» (Полетаев 2009). Он выделяет три условия, которым соответствуют классические тексты: «1) *считаются/называются классическими в научном сообществе*; 2) *изучаются в процессе обучения, т.е. в «классах»*; 3) *явным образом используются в исследованиях современных авторов»* (Полетаев 2009: 13). Тексты, написанные классиками советской социологии, не отвечают двум последним критериям.

Исследования советских социологов не изучаются в «классах». Большая часть из них не переиздана, а многие практически недоступны – несмотря на бум образовательной литературы по социологии¹. Единственным исключением является «Социологическое исследование» В.А. Ядова, по-прежнему играющее роль основного учебного пособия по методологии и методам. Однако и это – исключение лишь отчасти, поскольку, во-первых, в последних изданиях книга была радикально переработана, во-вторых, эта книга является учебным пособием. При этом ситуация с мемуарной и исторической литературой прямо противоположная.

Большая часть известных социологов советской поры издали воспоминания; кроме того, группы энтузиастов собрали массу материалов по

¹ Едва ли не единственными переиздававшимися после 1991 г. книгами были «Человек и его работа» (второе издание вышло в «Аспект-пресс» в 2003 г.) и сборник трудов Т.И. Заславской (в трехтомнике, включавшем также ее мемуары). В Петербурге знакомство с исследованиями «Копанка 25 лет спустя», «Массовая информация в советском промышленном городе» или «Человек после работы» требует визита в одну из центральных библиотек – большинство социологических учреждений не располагает своей копией, в электронном виде найти эти тексты невозможно. Некоторые книги, которые рассматривались в советский период как основные достижения советской социологии, так никогда и не были изданы (например, второй том «Массовой информации» Б.А. Грушина).

устной истории советской социологии², были выпущены также сборники различных документов административного характера, имевшие отношение к институционализации социологии. Воспоминания о жизни советских социологов вызывают большой интерес и у них самих, и у младших поколений читателей.

Вышло несколько учебников, посвященных истории советской социологии, которые объединяет любопытная черта. Если учебники по истории социологии, написанные западными авторами, представляют собой обзор и ревизию социологических теорий – историю смены научных парадигм и языков описания, то учебники по истории советской социологии представляют собой описание взаимодействия «социологии и власти». Другими словами, история советской социологии – это не история текстов, а история людей и социальных институтов. Тексты советских социологов не «используются в исследованиях современных авторов»: если классический текст подразумевает чтение и цитирование, то тексты советских социологов как классические не работают.

Ограничимся единственной иллюстрацией: современным цитированием работ трех признанных классиков советской социологии Т.И. Заславской, Г.В. Осипова и В.А. Ядова. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) практически не содержит публикаций, вышедших ранее 2004 г., так что распределение ссылок указывает на то, какие тексты советских социологов находятся в поле зрения их современных коллег³. В табл. 1 приводится распределение цитируемых текстов по пятилетним периодам.

Более двух третей всех цитирований приходится на тексты, опубликованные после 1995 г., при этом более половины всех ссылок – это ссылки на статьи и тексты докладов, а не на книги. Этот паттерн цитирования

² Большая часть собрана на сайте <http://cdclv.unlv.edu/archives> благодаря усилиям Б.З. Докторовой и Д. Шалина.

³ Основной проблемой при таком подсчете становятся дополненные и исправленные переиздания – должны ли они считаться под тем годом, под которым вышли в нынешнем виде, или под тем, под которым книга появилась впервые? Является ли «Человек и его работа» 1967 г. и «Человек и его работа в СССР и после» 2003 г. одной и той же или разными книгами? В этой таблице они считаются разными книгами. При этом надо иметь в виду то, что единственными переиздававшимися книгами трех рассматриваемых авторов помимо учебных и справочных являются «Человек и его работа» и старые работы Т.И. Заславской, вошедшие в трехтомник 2007 г. Переиздававшаяся учебная и справочная литература («Социологическое исследование» В.А. Ядова, «Социологический словарь» Г.В. Осипова) дали лишь очень небольшую долю ссылок (около 5% в случае В.А. Ядова, около 10% в случае Г.В. Осипова).

Таблица 1. Распределение цитируемых в РИНЦ книг и статей классиков советской социологии по 5-летним периодам

	До 1969	1970– 1974	1975– 1979	1980– 1984	1985– 1989	1990– 1994	1995– 1999	2000– 2004	После 2005
Заславская Т.И.	8	9	6	17	23	69	81	140	58
Осипов Г.В.	14	0	19	0	2	23	73	91	70
Ядов В.А.	40	6	9	13	3	30	59	78	47

разительно отличается от того, который мы наблюдаем в зарубежной социологической классике XX в. Там подавляющее большинство цитирований приходится на книгу (реже – статью), в которой автор впервые более-менее полно излагает свою теоретическую концепцию. Как правило, эта книга или статья пишется в начале академической карьеры, а вся дальнейшая работа рассматривается просто как комментарий к ней. Так, например, большинство социологов вряд ли смогут назвать хотя бы один текст за авторством П. Бергера и Т. Лукмана, кроме «Социального конструирования реальности», вышедшего, когда им обоим не исполнилось еще и сорока. Э. Гоффман в основном известен как автор «Представления себя другим в повседневной жизни» (впервые опубликованной, когда ему было тридцать пять лет, каноническое переиздание вышло на два года позже). Соответственно, он повсеместно характеризуется как отец «драматургической социологии», несмотря на то, что ни в одной из своих последующих книг он не использует театральных метафор.

В случае советских классиков – за единственным исключением В.А. Ядова – ранние работы были просто забыты⁴. В центре внимания сегодня находятся не тексты, в которых они впервые очертили контуры какой-то концепции или тексты, которые представляют собой образцы исследований, а актуальные комментарии к современному состоянию

⁴ Потенциально проблематичный вопрос о том, кого можно считать классиком советской социологии, оказывается на деле гораздо проще, чем можно было бы опасаться. Среди современных российских социологов есть полное согласие на этот счет. Общепризнано, что к классикам первого эшелона относятся В.А. Ядов, Ю.А. Левада, А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Г.В. Осипов, Б.А. Грушин и И.С. Кон. Во второй эшелон попадают еще несколько фигур, по большей части тех же 1926–1930 г. р.: Б.М. Фирсов, Н.И. Лапин, В.Н. Шубкин, Р.В. Рывкина, Ф.М. Бородин, В.Б. Ольшанский, В.Э. Шляпентох, Ю.Н. Давыдов, Л.А. Гордон и некоторые другие. Особняком стоит М.Н. Руткевич (1917 г. р.), своеобразный антигерой официальной истории советской социологии. Ни одна историческая справка не обходится без перечисления этих фамилий.

социологии и общества. Период «полужизни» публикации любого крупного российского социолога (стандартная мера в библиометрии, характеризующая период, в который текст собирает половину цитирований), судя по всему, составляет порядка пяти лет⁵. Исключениями являются «Человек и его работа» А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова и В.П. Рожина, а также последующие работы В.А. Ядова и его коллег по трудовой мотивации, которые продолжают активно цитироваться сегодня. Отметим, что тридцать пять ссылок из приходящихся на 2000–2005 гг., являются ссылками на «Человека и его работу в СССР и после». За этим исключением советская социология не оставила ничего, хотя бы отдаленно напоминающего классику.

При этом существует своего рода культ советских социологов: их имена вызывают уважение, их мемуары читаются, анекдоты, связанные с ними, и их интервью вызывают неподдельный интерес, однако их научного наследия не существует. Кажется, что они могли бы вообще не писать никаких текстов, и это не отразилось бы ни на их статусе, ни на истории советской социологии. В этом смысле работы советских социологов не просто не соответствуют определению «классические», они практически несущественны, поскольку невидимы.

Эта статья представляет собой попытку разобраться в описанном парадоксе: понять, каким образом классики возможны без классики, как создается и чем поддерживается статус «классика» в этом случае, как может возникнуть научное сообщество, которое построено не вокруг текстов и их осмысления, каким образом может быть написана история науки, если не как история текстов, и, наконец, какого рода тексты производили советские социологи?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к воспоминаниям советских социологов. Попробуем – на основе мемуаров, статей, интервью – описать, как видится история советской социологии самим советским социологам. Разница «картинок» в воспоминаниях разных людей вполне естественна и, во многих смыслах, показательна, однако нас интересуют скорее не различия, а сходства: те константы, которые можно встретить почти в каждом «мемориальном тексте», то, что не подверга-

⁵ Это опровергает возможную альтернативную гипотезу – что советские социологи не имели возможности представить свое видение общества в условиях советской цензуры. Если бы цензурные ограничения были решающими, мы могли бы ждать публикаций книг, давно выношенных в тайне, в районе 1990 г., когда партийный контроль ослаб. Как мы видим из таблицы, ничего подобного не произошло.

ется сомнению в любой из этих историй. Другими словами, общие основания, которые не проблематизируются теми, кто рассказывает эти истории, поскольку кажутся им самоочевидными. Таких пунктов несколько: история советской социологии, ее роль в самосознании эпохи, профессиональные задачи социолога. Кроме того, по возможности, мы будем обращать внимание на все, что так или иначе касается советских социологических текстов: их тематики, объема, места публикации и т.д.

История советской социологии: мемуары

Считается, что возникновение советской социологии в начале 1960-х годов – результат двух процессов: властной инициативы и желания интеллигенции модернизировать советскую систему (Левин 2008: 516–517). «Власть» понимала, что нуждается в объективной информации, интеллигенция верила в режим и хотела помочь власти исправить ошибки. Культура 60-х подразумевала диалог интеллигенции и власти – «шестидесятники» рассматривали себя как тех, кто будет помогать власти в ее реформах. Таким образом, социология виделась *«как средство и как символ национальной модернизации, а точнее – как инструмент улучшения экономики и совершенствования идеологической работы партии»* (Фирсов 2001: 100). Социологию, в том числе и западную, воспринимали как прикладную науку: *«В 1957 году один молодой преподаватель с философского факультета Ленинградского университета спросил меня: “А ты знаешь, что на Западе занимаются социологией и результаты используют для того, чтобы экономика развивалась лучше?”»* (Шкартан 2008: 56).

Социологи-шестидесятники относились к своим работам как к своего рода инструкциям, которыми власть должна воспользоваться, чтобы улучшить положение дел в стране. Надежда на то, что результаты их исследований каким-то образом повлияют на государственную политику, не казалась наивной, полученные результаты представлялись социологам, прежде всего, средством, при помощи которого власть должна была реформировать государство: *«Желание включить социологическую информацию в контуры партийного и государственного управления было делом вполне естественным для профессиональных социологов»* (Фирсов 2001: 233).

Окончание «оттепели» в мемуарах маркируется как крушение надежд представителей молодой науки социологии, которым постепенно становится ясно, что результаты их работы не нужны власти, а они сами – как

специалисты – ею не востребованы, к их рекомендациям никто не собирается прислушиваться, а их советам следовать: *«Эти тексты были явно никому не нужны»* (Грушин 2001: 200). Начало «застоя» в воспоминаниях, как правило, соотносится с изменением формата, в котором протекает взаимодействие социологов и власти: теперь это не сотрудничество, а подрывная деятельность. Семидесятые годы описываются как время мучительного становления молодой науки, которая должна *«разорвать пуповину между государственной философией и “гражданской социологией”»* (Колбановский 1994: 51), стать самостоятельной и выработать свой – негосударственный – этос. Это становление предполагает выбор, который встает перед каждым из социологов, выбор, сопровождаемый искушением. Социологи, преодолевшие искушение сотрудничеством с обманувшей их надежды властью, теперь рассматривают социологическое исследование как *«сопротивление системе, но с помощью научного знания»* (Шубкин 2001: 115), а социологию как *«одну из форм сопротивления тоталитаризму, господствующей марксистско-ленинской идеологии»* (Шубкин 2001: 115).

В этом плане показательны, что в 90-е годы, обратившись к изучению истории советской социологии, социологи стали рассматривать ее как общественное движение: *«Интеллектуальное течение (становление социологии) в советской науке в 1960-е годы и ее развитие в 1970–1980-е годы вполне оправданно рассматривать как общественное движение – латентное общественное движение, обладающее <...> устойчивыми воспроизводимыми практиками коллективных действий, не только собственно исследовательских, но и гражданских, в том числе протестных, осуществляемых в условиях скрытого, а иногда и явного социального конфликта»* (Костюшев 1998: 8).

Однако если власть больше не помышляла о реформах и не нуждалась в помощи социологов, то *«интеллигенция страны помогала разными способами формировать масштабный социальный запрос на социологическое знание и в отличие от власти поддерживала этот запрос, спасая социологию от опасностей и трагизма общественной невостребованности»* (Фирсов 2001: 87). Апеллируя уже не к власти, а к обществу, социолог по-прежнему мог выполнять свой профессиональный долг. Результаты социологических исследований должны были *«заставить людскую массу задумываться над сложностью и противоречивостью реальных социальных проблем»* (Фирсов 2001: 87). Это просвещение было своего рода борьбой с системой *«с помощью научного знания»*.

Восприятие советскими социологами «людской массы» как целевой аудитории объясняет частоту появления сюжета, который условно можно обозначить «социолог и народ», в статьях и мемуарах. Так, В.Б. Олшанский рассказывает о лекции, которую он заканчивал во дворе при свете факелов, сооруженных студентами (он не успел закончить вовремя, и охранники попросили присутствующих покинуть аудиторию). И.С. Кон вспоминает: *«Факультативные лекции в огромной аудитории, куда вместо пятисот человек набивалось свыше тысячи <...>, где места занимали за два часа до начала лекций, а слушатели, не только студенты, но и профессора, стояли в духоте, плотно прижавшись друг к другу и при этом соблюдая абсолютную тишину <...>. Конечно, это не было моей личной заслугой. Студенческая молодежь середины 60-х страстно жаждала информации о себе и своем обществе»* (Кон 1994: 177).

Указание на общественную востребованность социологического знания, в том числе статей социологов в непрофессиональных изданиях – также один из обязательных компонентов воспоминаний. Так, Б.М. Фирсов в «Истории советской социологии» пишет о том, что *«социологические публикации в массовой печати, а вскоре и профессиональная социологическая литература сразу завоевали популярность у многочисленной аудитории»* (Фирсов 2001: 86). Кроме того, многие мемуаристы отмечают, что лучшие свои статьи они публиковали именно в непрофессиональных изданиях. Это, в частности, объясняет, почему в свои итоговые сборники некоторые советские социологи предпочитали включать не статьи, которые были опубликованы в профессиональном журнале, а статьи, написанные для таких журналов, как «Новый мир». Так, к примеру, И.С. Кон в свой итоговый сборник «Социологическая психология» включил *«почти все “новомировские” статьи и ни одной – из научных журналов»* (Фирсов 2001: 86).

Этот выбор, как правило, объясняется двумя соображениями: необходимостью «просвещать» массовую аудиторию (*«...занимаясь историей позитивизма в социологии, я не мог не познакомиться с трудами Альфреда Кинзи, а затем – интересно же! – и с другими подобными книгами. А если знаешь что-то полезное – как не поделиться с другими? Моя первая статья на эту тему “Половая мораль в свете социологии” (1966) была опубликована в журнале “Советская педагогика”. <...> Широкий общественный резонанс имела статья “Секс, общество, культура” в “Иностранной литературе”»*) (Кон 1994: 180) и возможностью

большей свободы: *«В газете или литературном журнале можно было сказать больше, чем в профессиональном издании»* (Фирсов 2001: 138).

Таким образом, в истории советской социологии самими советскими социологами выделяются три актора: «социолог», «власть» и «общество». «Общество» – объект приложения сил как власти (государства), так и социологов. Тема взаимоотношений социологии и власти – ключевая в воспоминаниях и выступлениях советских социологов. Именно этими взаимоотношениями задан этос советской социологии: ее провалы и ее достижения оцениваются исходя из истории этого противостояния. «Социологи» и «власть» представлены как два противодействующих начала. Причем «власть» опасается социологов, вооруженных правдивыми, научно обоснованными результатами исследований и желающих донести их до «общества», тем самым изменив его. Опасность социологии для советской власти – общее место текстов, так или иначе касающихся советской социологии: *«Кстати, социологию-то и боялись, потому что при желании можно было эмпирические исследования повернуть против догматических канонов. Мы-то чувствовали это»* (Карпинский 1995: 202).

Жанр «воспоминания» предполагает подведение итогов, а значит, списки побед и поражений. Эта особенность позволяет реконструировать представления об идеальном образе ученого, так же как о целях и смыслах его работы. Воспоминания советских социологов отличает редкое единодушие во всем, что касается представлений о профессиональном долге. При этом образ «хорошего социолога» складывается из тех упреков, которые мемуарист адресует себе. То, в чем упрекают себя советские социологи сегодня (или упрекали во время перестройки), связано с тем, что они оказались недостаточно смелыми и решительными для того, чтобы во время «застоя» сказать обществу правду о нем (отсюда сопоставление себя не с другими учеными-гуманитариями, а с журналистами и диссидентами).

Так, Б.М. Фирсов, ссылаясь на Т.И. Заславскую, в своей «Истории советской социологии» вспоминает ее *«суровые, но справедливые слова о том, что социальные дисциплины в нашей стране долгое время оставались в арьергарде общественной жизни. Замечание это в полной мере относится и к социологии. Основной профессиональный канон этой науки – олицетворять истину и мужественную совесть общества – не удалось полноценно реализовать <...>»* (Фирсов 2001: 239). В этом же учебнике он упоминает о социологическом самиздате, который был *«весьма*

незаметным <...> Известны лишь три конспиративных опроса – об отношении к Сахарову (800 респондентов), об отношении к польской “Солidarности” (600), об отношении к войне в Афганистане» (Фирсов 2001: 107). Сожаление автора о том, что социологический самиздат был так незначителен, свидетельствует сразу о нескольких вещах. Во-первых, его представление о том, чем должен заниматься настоящий социолог, неразрывно связано с «проблемными зонами» общества. Во-вторых, о том, что задачей социолога во времена «застоя» было противостояние власти и обеспечение общества правдивой информацией. И в-третьих, что советские социологи не всегда соответствовали этому требованию – иначе бы социологического самиздата было больше.

Несостоятельность социологии видится советским социологам еще и в том, что социология не смогла стать «эмоциональным заменителем» идеологии: *«Обществу нужно было нечто взамен того, что рассыпалось. Социология должна была сыграть роль такого эмоционального заменителя. Но мы, социологи, не смогли это сделать»* (Ольшанский 1994: 61).

Показательно также то, что провал социологии связывается с текстами, которые писали социологи, *«занудными, невыносимыми, которые нормальный человек читать не мог»* (Ольшанский 1994: 61). Под «нормальным человеком» здесь имеется в виду человек, у которого не было социологического образования. Подразумевается, что хороший социологический текст должен быть доступен всем, поскольку задача социолога *«улучшить жизнь вообще»*, изменить общество посредством изменения сознания. Это означает в том числе, что социологические тексты должны быть написаны на понятном, непрофессиональном языке. Отсюда вытекает разделение науки на два вида: *«Одна обращалась к людям с предложениями, как улучшить и экономику, и жизнь вообще. Другая, напротив, была замкнутой в себе, высокомерной, относилась к журналистике как средству диалога с населением, создавала нечто оторванное от жизни, опираясь на закрытый, “нечеловеческий язык”»* <...> *Естественно, что эта, другая наука избегала апелляций к людям, она не могла конструировать сознание и тем более формировать жизнь»* (Лисичкин 2001: 11). Академичность социологических текстов оценивается как одна из причин профессионального провала.

История советской социологии, образ социолога, его представления о профессиональном долге и вытекающее из этого представление о том, каковы должны быть социологические тексты (их целевая аудитория,

язык, место публикации) довольно нестандартны. Эта нестандартность отчетливо видна, если сравнить эти представления, к примеру, с представлениями о своей профессии советского филолога или историка, или с представлениями о социологе и социологии представителя англо-американской социологической традиции того же времени. Обозначим основные точки расхождений и различий.

Сыщик vs революционер: несколько замечаний об образе социолога в советской и англо-американской традиции

Если сравнивать эти представления, самыми удивительными кажутся именно упреки, которые социологи адресуют сами себе, поскольку ни один из этих упреков напрямую не связан с деятельностью ученого. Почему профессиональный долг социолога состоит в том, чтобы быть *«в авангарде общественной жизни»*? Такой упрек может быть адресован любому человеку, вне зависимости от его профессии, поскольку этот упрек обращен к человеку как гражданину. Почему социология должна была сыграть роль *«эмоционального заместителя»*, который скрепляет общество? Эта роль обычно приписывается идеологии или религии. Еще больше вопросов возникает по поводу упрека, связанного с академичностью текстов. Трудно представить, что подобного рода обвинение адресует себе, к примеру, филолог или философ. Допущение, что научные тексты могут быть непонятны за пределами профессионального сообщества, в этих дисциплинах – нечто само собой разумеющееся. Но, пожалуй, самый удивительный упрек из тех, что адресуют себе советские социологи, – это отсутствие *«любви к людям»*: *«Социологи в значительной своей части не любят людей. Если говорить в более мягкой форме – индивиды их не очень интересуют. Их интересуют типология, идеальные типы, таксономии, репрезентативные выборки, кластеры и другие ментальные конструкции»* (Яницкий 2001: 210).

Из этого упрека следует, что социологи слишком много занимаются наукой, вместо того чтобы заниматься жизнью: интересуются профессиональными категориями, а не реальностью, которая за ними стоит. Это то же самое, что упрекнуть литературоведа в том, что его интересуют стихотворные размеры, а не трагическая судьба поэтов-современников, или обвинять историка, который занимается историей революций в том, что он не участвует в революции реальной. То есть упрекнуть его в этом, конечно, можно. Другое дело, что с точки зрения

представителя любой другой гуманитарной профессии или простого здравого смысла это значит путать профессиональные обязанности и гражданский долг. Однако самое любопытное то, что подобный упрек в адрес социологов кажется самим социологам вполне справедливым. В частности, данную цитату приводит Б.М. Фирсов в своем учебнике «История советской социологии», подтверждая свое положение о том, что в брежневское время социология не справлялась со своими профессиональными обязанностями.

Резюмируя, можно сказать, что советский социолог видел свою профессиональную задачу отличным от прочих советских гуманитариев образом: его представления о том, что такое заниматься социологией и кто такой социолог, не были связаны ни с академическим сообществом, ни с производством академических текстов. Советский социолог «работал» вне академического поля. Аудиторией социолога было общество в целом: власть, которой он должен был давать рекомендации и советы (и с которой, в том случае, если она к ним не прислушивалась, должен был бороться) и народ, который он должен был просвещать. Такое представление о профессиональной деятельности ученого-социолога объясняет и тематическое поле исследований в семидесятые годы – *«то, что противодействовало официальной линии, вызывало живой исследовательский интерес»* (Лапин 2008: 36). Области исследований, которые не отвечали этому критерию, вряд ли могли заинтересовать социолога, поскольку эти области никак не способствовали ни реформированию общества, ни просвещению «людской массы».

Такое понимание профессии диктовало специфику стилистики и тематики текстов, выбор мест их публикации. Изнутри этой перспективы претензии к излишней академичности текстов не выглядят странными: представление о том, что социологические тексты должны быть понятны обычному человеку, логично вытекают из нее: *«... Социологическое просвещение общества, без которого социология не дееспособна. Социология предполагает, что ее выводы будут поняты <...>, если же этого не происходит – социологи в значительной степени работают на самих себя»* (Шубкин 1994: 12). Понятным становится и тот факт, что советские социологи сегодня включают в списки своих публикаций статьи, опубликованные не в «Социологических исследованиях», а в таких изданиях, как журнал «Новый мир», «Литературная газета» или «Комсомольская правда». Определение этих изданий как *«рупора социологии»*

(Фирсов 2001: 85) в этом случае вполне оправданно, поскольку они были очень популярны в 1960–1980-е годы.

Подтверждением статуса ученого для советского социолога была его общественная (а не академическая) репутация, вернее, общественная репутация и была для него репутацией академической. Критерием социологического исследования выступало не получение нового знания или создание новой теории, а возможность при помощи полученных данных изменить общество: *«Исследование уже рассматривалось не как самоценность, а в контексте некой деятельности; оно для чего-то, а не просто для получения некоего знания»* (Дудченко 1994: 36). Именно поэтому, когда надежды на сотрудничество с властью не оправдались, социологов-шестидесятников угнетало не то, что они не могли заниматься исследованиями, как хотели, или исследованиями того, что их интересовало. Их угнетала неостребованность властью результатов их работы. Смысл деятельности социолога для представителей этой профессии был неразрывно связан с возможностью влиять на общество. Именно поэтому общественный интерес к социологии являлся для социологов свидетельством их профессиональной успешности. Этот интерес воспринимался советскими социологами как показатель того, что их работа успешна, поскольку общество обеспечено правдивой информацией.

Если социологическое исследование в англо-американской традиции можно уподобить работе сыщика или диагноста – поиску убийцы или разгадыванию загадок, литературному жанру детектива или складыванию паззла, то работу социолога в советской традиции – поступку или жесту, действию революционера, которое – в момент своего осуществления – непосредственно меняет реальность. Задача социолога-сыщика – «найти убийцу», то есть интерпретировать реальность при помощи определенных инструментов. Дальнейшее – возмездие, приговор, помощь пострадавшим, изменение закона – дело рук других действующих лиц. Задача социолога-революционера – рассказать правду, благодаря чему реальность должна измениться. Социология должна была *«приподнять завесу над истинным положением вещей»* (Фирсов 2001: 85).

Социологу-революционеру в отличие от социолога-сыщика не надо разгадывать никаких загадок, чтобы докопаться до правды. Он уже владеет ею, его профессиональный долг состоит в том, чтобы ее озвучить. Под «правдой» имеется в виду публичное озвучивание той информации, которая если не всем, то многим так или иначе известна. Это объясняет и встречающееся в воспоминаниях сравнение социологии с журналисти-

кой, и то, что это сравнение – не в пользу социологии: *«Журналистика, печать сделали то, чего не могла сделать социология. Они сделали гражданские инициативы публичными и тем самым их легитимизировали»* (Яницкий 2001: 211). Подразумевается, что задача социологии – озвучивание фактов, перевод их из неформального поля (кухонных посиделок) в формальное (на страницы газет и журналов), и, тем самым, их легитимация. Советский социолог не разгадывает загадки, не ищет скрытые закономерности, а озвучивает очевидное, но официально замалчиваемое, оглашает всем известное в публичном пространстве, обязательно подтверждая научными методами (массовыми опросами, математическим анализом и т.д.).

Так, результаты одного из самых известных советских социологических проектов – «Человека и его работы» – вряд ли были неожиданными для большинства граждан Советского Союза. Но подтвержденные научные методами и опубликованные, они меняли свой статус: из бытового знания превращались в научный факт, на который власть должна была обратить внимание. Такие публикации требовали несомненного мужества от социологов, поскольку нарушали принятые правила игры, пресловутое советское двуязычие.

Очень показательна характеристика, которую Т. Шанин дал советским социологам и отношению к ним западных коллег: *«Я дружил с Алексом, а он был тем человеком, который напечатал в нашей прессе так называемый “Новосибирский манифест”. Это стало ключевым событием для серьезного изменения в нашем понимании происходящего в России, стало ясно, что если русские ученые не побоялись сказать то, что написано в “Манифесте”, пусть и в закрытом режиме, то это серьезные ученые. И называть их “полицейскими ищейками”, как это делали некоторые американские советологи, уже было нельзя»* (Шанин 2008: 145). Характерно, что Т. Шанин говорит о смелости советских социологов как о критерии, по которому он оценивает их как ученых. Этот критерий оценки деятельности социолога совпадает с их собственным критерием, который исходит из понимания профессиональной социологической деятельности как деятельности, прежде всего, гражданской. Сравнивая традиции англо-американской и советской социологии, необходимо помнить о разности их моральных оснований.

Г.С. Батыгин пишет о том, что *«молодым людям, выросшим после падения СССР, <...> будет очень важно понять, что социология была не просто академической дисциплиной, а самосознанием эпохи»* (Батыгин

2001: 248). Это замечание представляется нам крайне важным и интересным, потому что дает ключ не только к пониманию того, чем была советская социология для своего времени. Оно подсказывает нам тот теоретический инструментарий, с помощью которого мы сможем приблизиться к пониманию этого феномена.

Советская социология как часть культуры «оттепели»

Рождение советской социологии связано с «оттепелью», ее возникновение рассматривают в контексте оттепельной культуры, ее отцы-основатели относят себя к «шестидесятникам». Если социология была самосознанием этой советской эпохи, логично обратиться к ее константам и их отражению в таком специфичном зеркале, как научная деятельность.

С. Бойм замечает, что поиски правды были главным занятием русской интеллигенции XIX и XX вв. (Бойм 2002: 119). Однако понимание того, что есть «правда», менялось. Интеллигенция 1960-х годов также была сосредоточена на этих поисках; при этом под правдой она подразумевала, прежде всего, искренность.

«Искренность» – главный лозунг эпохи, своего рода девиз «оттепели» (Бойм 2002: 124). По мнению шестидесятников, именно отсутствие искренности и бюрократия привели коммунистический режим к «культу личности». Как утверждает Г.С. Батыгин, шестидесятническая критика власти *«заключалась в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. <...> “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации»* (Батыгин 2005: 55, 61).

Шестидесятники продолжали верить в режим – в утопический советский проект и в то, что Советский Союз его воплощает. Они были хорошо знакомы с трудами коммунистических классиков, причем в «оттепель» круг классиков несколько расширился. Молодые люди шестидесятых годов *«стремились почувствовать (а не просто провозгласить) идеологический постулат»* (Батыгин 2005: 15). Продолжая пользоваться советским языком и идеологией, они знали, что эта идеология однажды дала осечку. Этот язык если и не целиком, то, по крайней мере, отчасти оказался фальшив, прикрывал нечто другое в период «искривлений социалистической законности» и «культы личности». Нужно было восстановить разрушенные связи и значения, очистить язык. Именно поэтому

шестидесятникам требовалось вернуться к источнику коммунистических идей и языка в их советском изводе, к тому, что мотивировало «ленинские нормы партийной жизни» и, шире, к трудам основателя советского государства.

Такое отношение к идеологической советской доктрине и ее ритуалам было очень похоже на описанное П.Н. Милюковым отношение сектантов XVIII–XIX вв. к православной церкви (Милюков 1994)⁶. И тем, и другим был свойственен отказ от формального участия в ритуалах (и иногда вообще от формального ритуала), обращение к первоисточнику и переживание посредством него индивидуального акта веры, что, в свою очередь, вызывало протест со стороны официальной церкви/партии – то, что в двадцатые было догмой, в шестидесятые превратилось в ересь.

Важность искренности для шестидесятников была одним из проявлений логоцентричности, характерной как для русской, так и для советской культуры. Искренность была средством спасения, поскольку шестидесятники верили, что *«само слово правды преодолеет идейный и нравственный коллапс советского режима»* (Батыгин 2005: 55). Поэтому искренность, то есть стремление и способность говорить правду, представлялась едва ли не самым важным человеческим качеством⁷. Искренность стала опознавательным знаком, тем идеалом, к которому стремились и в творчестве, и в отношениях.

Однако именно вера в коммунистические идеалы и возможность их восстановления делала оттепель продолжением советской (сталинской) культуры. Ш. Фицпатрик считает, что *«понятия “сталинский” и “советский” пересекаются, причем первое выражает максимальную степень и определяющий момент второго»* (Фицпатрик 2008: 10). Это означает не только то, что советский режим во многом продолжал функционировать в рамках, заданных сталинской системой, но и то, что шестидесятники унаследовали практики и язык сталинской культуры. Безусловно, они наполняли эти практики новыми смыслами и стремились к тому, что-

⁶ Параллели между большевизмом (марксизмом) и теократией стали общим местом в советологии (Kotkin 1995, Halfin 2000, Рыклин 2009).

⁷ Любопытно, что впоследствии искренность стала ключевой категорией и для анализа оттепельной культуры. А. Прохоров отмечает, что основная форма литературоведческих штудий, посвященных «оттепельной» литературе – литературоведческие мемуары, поскольку *«повествование от первого лица в таких работах легитимировало искренность этих исследований – категорию первостепенной важности для “детей оттепели”, которыми многие из этих критиков являлись»*. Кроме того, центральную оппозицию многих воспоминаний об оттепели составило *«противостояние искреннего писателя и авторитарного общества, эту искренность подавляющего»* (Прохоров 2007: 10–12).

бы «очистить» этот язык, но не пытались изменить его структуру. Искренность представлялась им основным средством очищения и переосмысления советского (сталинского) языка и культуры. Шестидесятые можно рассматривать как последний всплеск советского утопического проекта, а шестидесятников – как последних советских идеалистов.

М.Я. Рожанский, исследуя советский идеализм как часть советского утопического проекта, писал о тех внутренних идеалах, которые *«в отличие от теоретических и пропагандистских конструктов, не поддаются рациональной разработке и обеспечены не аргументацией, а интимными переживаниями»* (Рожанский 2010: 184). Он рассматривает советского человека как идеальный тип «человека исторического», который знает смысл истории и непосредственно участвует в его воплощении, говорит и действует от имени истории, в соответствии с ее законами.

Опираясь на анализ дневников и интервью, М.Я. Рожанский пишет о том, что для советских юношей и девушек были очень характерны переживания по поводу того, что их будущая профессия прямо не связана с преобразованием мира. Участвовать в преобразовании мира – быть включенным в поток истории – было для них как для носителей утопического мышления жизненной необходимостью: *«В послевоенной Москве девушка Кира, еще в школе выбравшая астрономию как дело жизни, все студенческие и аспирантские годы переживает по поводу отдаленности профессии от практического преобразования жизни, постоянно возвращаясь к этому в своем личном дневнике и максимально нагружая себя “Общественными поручениями”. А ее ровесница Лида, живущая в рабочем сибирском городе, по сходным мотивам идет учиться на биофак университета, будучи явным гуманитарием»* (Рожанский 2010: 184). В этом плане социология в ее советском понимании должна была казаться лучшей из профессий, поскольку предполагала непосредственное участие в изменении мира и его переустройстве. Поэтому рассмотрение советской социологии шестидесятых годов как одного из проявлений советского идеализма кажется вполне обоснованным.

Работа социолога предполагала непременно обращение к повседневной реальности – к «здесь» и «сейчас». Однако «здесь» и «сейчас» для человека, обладающего утопическим зрением, не предполагает исследования, а предполагает улучшение и критику. Социологи-шестидесятники стремятся сотрудничать с властью, веря, что власть в их советах нуждается. Разочарование в системе – зарождение разномыс-

лия и диссидентства – не снимает императив действия. В случае разномыслия на смену советам приходит просвещение, в случае диссидентства – борьба с системой.

Советский проект – помимо прочих своих измерений – был проектом утопическим. Утопия предполагает выработку особого типа зрения. Внутри пространства, созданного этим типом зрения, ученый равнялся социальному инженеру и проектировщику, который непосредственно влиял на реальность, поддерживая государственную власть или медленно разрушая ее.

Заключение

Идентичность советского социолога была неразрывно связана с верой в то, что социология способна и должна участвовать в осуществлении советского утопического проекта. Профессиональный долг социолога состоял в том, чтобы публично озвучить правду, тем самым меняя социальную реальность. Именно поэтому пики популярности социологии (описываемые в воспоминаниях советских социологов как ее «звездные часы») были связаны с двумя советскими эпохами – «оттепелью» и «перестройкой», когда реформистские настроения разделяло довольно большое количество советских граждан. «Перестройка» была последней советской эпохой, в том числе и потому, что искренность и правда все еще рассматривались как средства изменения социальной реальности и как главный критерий качественного социологического исследования. Однако именно во время «перестройки» эта вера начала расшатываться: *«Вместе со свободой пришло некоторое чувство растерянности. Раньше главным критерием оценки любых публикаций была смелость, то, насколько автору удалось поднять планку дозволенного. Теперь на первый план (по крайней мере, для меня) стала выходить глубина мысли, ее конструктивность и ответственность за результаты возможной реализации твоих идей. Как и большинство моих сверстников, я не был готов ко многим новым вопросам»* (Кон 1994: 184).

Сегодня наследие советской социологии конструируется ее предшественниками не как образец письма (или совокупности классических текстов), а как образец поступка и действия: *«уроки, прошедшие через судьбы (порой, изломанные) наших старших учителей – могут и должны извлечь все поколения социологов, в особенности, нынешнего и будущего поколений»* (Горшков 2010: 29). Профессионализм советских социологов

определяется как *«готовность “не поступаться принципами”, умение отстаивать правоту (или, по крайней мере, правомерность своих научных взглядов)»* (Горшков 2010: 29). Задача социологии как науки связывается с умением *«называть вещи своими именами»* (Горшков 2010: 29).

В этом плане показательна та лексика, которую советские социологи сегодня используют для описания своей деятельности в шестидесятые: *«приподнять завесу лжи», «истинное положение дел в обществе», «движение за возрождающуюся социологию», «люди из смежных отраслей знания, сознательно перешедших в социологическую веру»*. Такие слова редко встретишь в научной биографии или учебнике по истории науки – эти слова из лексического арсенала тех, кто пишет историю революционного переворота или религиозного противостояния.

Идеологическое зрение предполагает только одну правильную перспективу: изнутри этой перспективы видны просчеты и недостатки. Обладатель идеологического зрения не разгадывает загадки, поскольку он уже знает ответ, именно поэтому он смотрит на мир как на объект приложения своих сил. Загадки разгаданы, его дело – в соответствии с этим ответом изменить мир, то есть дать совет или написать инструкцию по применению. Мир для него прозрачен и поэтому неинтересен, точка приложения его сил – это работа по изменению мира.

Именно поэтому советская социология могла стать столь мощным средством критики и реформирования советской системы – императив критического действия был тесно сопряжен с идеологическим типом зрения. В этом плане история советской социологии – скорее история героев, чем история мыслителей, скорее история действия и противостояния, чем история внутреннего развития дисциплины и смены теоретических парадигм.

В предисловии к материалам симпозиума *«Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность»* подчеркивается, что *«уникальность советской социологии заключается, прежде всего, в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и, в конечном счете, революционного преобразования»* (Ядов и Гратхофф 1994: 3). Однако эта «уникальность» вполне логична: развитие советской социологии как «науки жеста и действия» предполагало/делало возможным такой сценарий: от сотрудничества с властью к противостоянию с ней. Такое развитие со-

бытий можно было бы назвать уникальным в случае одной из социологий западной традиции: превращение сыщика в революционера не было задано внутренней логикой развития профессии и поэтому могло быть только человеческим выбором.

В истории советской социологии оно было вполне закономерно: классиками становились герои, наука превращалась из сообщества текстов в сообщество людей, которым хватало смелости совершить поступок. Чтобы стать социологом, не нужно было писать научные тексты – чтобы стать социологом, нужно было попытаться изменить мир, пусть и при помощи опросов, анкетирования и факторного анализа.

Библиография

Батыгин Г. С. 2005. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // *Социальные науки в постсоветской России*. / ред. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова, Э.М. Свицерски. М.: Академический проект.

Батыгин Г.С. 2001. Из письма Б.М. Фирсову // Фирсов Б.М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Бойм С. 2002. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение.

Горшков М.К. 2010. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии // *Вехи российской социологии 1950–2000-е годы* / ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя: 29–39.

Грушин, Б.А. 2001. Интервью/запись беседы // Фирсов Б.М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Дудченко В.С. 1994. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: материалы симпозиума 23 марта 1994 г. М.: 34–37.

Карпинский Л.В. 1995. «Работали свободно – и хорошо работали...» // *Социологический журнал* 3: 191–203.

Колбановский В.В. 1994. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: материалы симпозиума 23 марта 1994 г. М.: 49–56.

Кон И.С. 1994. «Эпоху не выбирают» // *Социологический журнал* 2: 173–185.

Костюшев В.В. 1994. Предисловие редактора // *Ленинградская социологическая школа (1960–1980 годы): материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург*. М.: Институт социологии: 5–10.

Лапин Н.И. 2008. «Для России новая экономическая социология вдвойне нова» // *Экономическая социология в России: поколение учителей*. М.: ГУ ВШЭ: 28–53.

Левин М. 2008. Советский век. М.: Европа.

Лисичкин Г.С. 2001. Интервью/запись беседы // Фирсов Б.М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Милоков П.Н. 1994. Очерки по истории русской культуры. Церковь, религия, литература. М.: Прогресс-Культура.

Ольшанский В.Б. 1994. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: материалы симпозиума 23 марта 1994 г. М.: 61–62.

Полегаев А.В. 2009. Классика в общественных науках // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. М.: Новое литературное обозрение: 11–50.

Прохоров А. 2007. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб.: Академический проект, ДНК (Современная западная русистика, т. 66).

Рожанский М.Я. 2010. Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов // *Разномыслие в СССР и России (1945–2008): сб-к материалов научной конференции*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: 180–209.

Рыклин М. 2009. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение.

Фирсов Б.М. 2001. История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге.

Фицпатрик Ш. 2008. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Шанин Т. 2008. «Советская социология была похожа на двугорбого верблюда» // *Экономическая социология в России: поколение учителей*. М.: ГУ ВШЭ: 120–135.

Шкаратан О.И. 2008. «Академические исследования требуют спокойствия» // *Экономическая социология в России: поколение учителей*. М.: ГУ ВШЭ: 53–82.

Шубкин В.Н. 2001. Интервью/запись беседы // Фирсов Б.М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций*. СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге.

Шубкин В.Н. 1994. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума 23 марта 1994 года. М.: 9–14.

Ядов В.А., Гратхофф Р. 1994. Предисловие // *Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума*. М.: 3–5.

Яницкий О.Н. 2001. Интервью/запись беседы // Фирсов Б.М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов: курс лекций*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Halfin, Igal. 2000. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburg: University of Pittsburgh Press.

Kotkin, Steven. 1995. *The Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley CA: University of California Press.

Intellectual landscape and social structure of a local academic community (the case of St. Petersburg sociology) : Working Paper WP6/2012/01 (part 2) [Text] / M. Sokolov, M. Safonova, K. Guba, D. Dimke ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 48 p. – 150 copies (in Russian).

The paper presents the results of the research project “St. Petersburg Sociology after 1985: Institutional Dynamics, Economic Adaptation, and Pockets of Intellectual Growth” which looked into the social history of the local community of Petersburg sociologists in the last 25 years. The research project followed the example of Chicago school of sociology’s community studies. It employed a wide range of historical, sociological, anthropological, and scientometric methods to study the ecology of practices of some 600 local social scientists.

Two texts published in the volume continue the analysis of the relations between intellectual and social structures commenced in the previous issue. In her paper, Katerina Guba looks into the pattern of diffusion of the “modern Western sociological theory” in the local community. She seeks to find out, if this diffusion brings the more conservative and oriented to the internal intellectual market part of the community closer to the more liberal and oriented to integration to “international science” part, and if so, which sub-group is responsible for this movement. In the following article Daria Dimke analyzes social and cultural origins of the intellectual style of Soviet sociology which counterpoises parts of the older Soviet sociological networks to the newer generations of scholars.

Препринт WP6/2012/01 (ч. 2)
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Соколов М.М., Сафонова М.А.,
Губа К.С., Димке Д.В.

**Интеллектуальный ландшафт и социальная структура
локального академического сообщества
(случай петербургской социологии)
Часть 2**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3
Усл. печ. л. 2,9. Заказ № . Изд. № 1501
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15